

Т. Д. ЗЛАТКОВСКАЯ

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ ФРАКИЙСКИХ ПЛЕМЕН

Начало I тысячелетия до н. э. было переломной эпохой в истории племен, населявших балкано-дунайские земли¹. Культура эпохи бронзы с ее яркими памятниками, в значительной степени отражающими традиции предшествующей позднемикенской эпохи, уходила, уступая место новой, так называемой первой эпохе железа. Это был период формирования культуры фракийских племен, впервые упомянутых у Гомера в «Илиаде», где нашел отражение период X и IX вв. до н. э.²

В историографии XIX и XX вв. неоднократно отмечалось, что, с одной стороны, фракийцы Гомера с их медным вооружением, боевыми колесницами, прекрасными кубками и т. п. предстают перед нами как народ, равный по уровню своего развития ахейцам; с другой же — античная традиция классического времени (Геродот, Фукидид, Ксенофонт) рисует нам фракийцев как «варваров», стоящих на значительно более низкой ступени развития, чем греки, и не игравших сколько-нибудь значительной роли в основных событиях античного мира — Греко-персидской и Пелопоннесской войнах³. Сравнение этих разноречивых данных о фракийцах приводит к выводу о значительных изменениях, происшедших в среде древних насельников фракийских земель за период между X—IX и V—IV вв. до н. э., что, вероятно, было связано с вторжением иных, но родственных фракийцам племен⁴.

Возможно, в этом отразился тот глубокий процесс, который можно в общих чертах проследить и на памятниках материальной культуры. Истоки фракийской культуры классического времени трудно усмотреть только в культурах эпохи бронзы, распространенных на Балканах. Более того, трудно усмотреть прямую и непосредственную преемственность между общим обликом культуры бронзы и классической фракийской культурой латенской эпохи⁵. Бесспорно, процесс перехода от брон-

¹ Д. Димитров, Последние археологически разкопки в България, София, 1955, стр. 15.

² Г. Кацаров, Тракия и омировия епос, «Изв. на историческо дружество», кн. XI—XII, 1931—1932, стр. 122—135; Хр. М. Данов, Към материалната култура на тракийците през омирова епоха, «Исторически преглед», 1947, № 4, стр. 15—21.

³ Первым на это обстоятельство обратил внимание В. Гельбинг («Das homerische Epos aus den Denkmälern erläutert», Leipzig, 1884, стр. 7 и сл.); см. также: Г. Кацаров, Указ. раб.; Хр. М. Данов, Указ. раб.

⁴ W. Tomaschek, Die alten Thraker, «Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien, Philosophisch-Historische Klasse», CXXVIII, 1893, стр. 11—112.

⁵ Иной точки зрения по этому вопросу придерживается В. Миков («Предисторически селища и находки в България». «Изв. на Българския археологически институт (ИБАИ)», III, 1933, стр. 112), подчеркивающий сходство некоторых первых железных предметов с бронзовыми и на основании этого делающий вывод о том, что в переходный от бронзы к железу период «никаких этнографических изменений не было». Нам представляется, что изделия из металла сами по себе, да еще в таком небольшом количестве, — плохой объект для каких-либо утверждений об этническом составе общества, ибо имеются неограниченные возможности для передачи их в самые отдаленные

зы к железу включал в себя прежде всего автохтонное развитие материальной культуры племен эпохи бронзы в дунайско-балканских областях, связанное с развитием производительных сил, усовершенствованием орудий труда, предметов домашнего обихода, что влекло за собою изменение материальной культуры. Естественно, этим поступательным движением в развитии общества эпохи бронзы надо скорее всего объяснять появление нового (главным образом появление железа) в культуре племен Балканского полуострова. Однако исходя из этого было бы все же неправильно искать некую «прафракийскую» культуру, в которой имели бы место все исходные формы будущей фракийской культуры. В истории племен вообще и фракийских в частности, если речь идет о больших исторических эпохах, было бы неправильно, на наш взгляд, искать единую прямую линию развития. Исторический процесс включает в себя не только прямолинейное преемственное развитие, но и множество иных моментов, связанных, в частности, с появлением новых этнических элементов, культурными связями и взаимовлияниями, обменом, проявляющимися в различной степени и в различных формах. Здесь мы хотели остановиться на одном из них, сыгравшем определенную роль в этногенезе фракийских племен.

Речь идет о некоторых археологических материалах, указывающих на появление памятников срубной культуры на территории Нижнего Поднестровья и степного Прутско-Днестровского междуречья, а также на проникновение отдельных элементов этой культуры в балкано-дунайские области, занятые впоследствии фракийцами.

Со времени выхода в свет работ О. А. Кривцовой-Граковой, посвященных истории материальной культуры племен степного Поволжья и Северного Причерноморья в эпоху бронзы⁶, следует считать установленным распространение срубной культуры с Волги по степной полосе на запад. Большинство материалов, характеризующих этот процесс на интересующей нас территории, известных до последнего времени, относится к областям Нижнего Буга и Одесщины; лишь отдельные находки были отмечены западнее, на Левобережье Днестра. В настоящее время археологические данные, характеризующие элементы срубной культуры в Поднестровье, могут быть дополнены новыми материалами из раскопок, проводимых в последние годы сотрудниками Одесского археологического музея⁷.

Мы имеем в виду интересные комплексы (главным образом керамические), добытые при раскопках и разведках в окрестностях Овидиополя, затем у с. Черноморка, в Усатове IV, в Лузановке, Ильинке, Петуховке II, близ с. Кривая Балка, Старые Беляры, Коблево, на хуторе Черевичном в окрестностях Одессы, а также в Викторове III и Кременчуке Николаевской области и на о. Березани⁸. Эта лепная посуда

области, а трудность их изготовления приводит к широким заимствованиям форм этих изделий. Керамика в этом отношении — гораздо более благодарный объект изучения. Что касается ее, то сам В. Миков утверждает, что в первых фракийских крепостях с IX по IV в. до н. э. находят керамику, «которая не встречается ни раньше, ни позже» (там же).

⁶ О. А. Кривцова-Гракова, Алексеевское поселение и могильник, Труды ГИМ, XVII, 1947, стр. 57—172; ее же, Степное Поволжье и Северное Причерноморье в эпоху поздней бронзы, «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА), № 46, 1955.

⁷ Приношу глубокую благодарность дирекции Одесского музея — М. С. Синицыну и А. Г. Сальникову, предоставившим мне возможность работать в фондах Музея.

⁸ Некоторые из этих материалов опубликованы: М. С. Синицын, Карта поселень і городищ між гирлами Дністра і південного Бугу скіфсько-сарматського часу, «Наукові записки», Одеський державний педагогічний інститут ім. К. Д. Яшинського, т. X, стр. 33—61; его же, Матеріали до археологічної карти узбережжя Хаджибейського лиману, Одеської області, «Матеріали з археології Північного Причерномор'я», вип. II, Одеса, 1959; Г. О. Дзис-Райко, Ліпна кераміка з о. Березані VII—VI ст. до н. е., там же, стр. 36; Е. Яровая, Керамика из раскопок в селе Кременчук Николаевской области, там же, вып. I, стр. 55—62.

по своим формам, технике исполнения и орнаментации идентична так называемой сабастиновской позднесрубной керамике северо-западного Причерноморья. Характерные черты ее, отмеченные О. А. Граковой, полностью прослеживаются в этих комплексах⁹.

Поселения сабастиновского времени датируются предскифским временем, т. е. в основном IX—VIII вв. до н. э.¹⁰

М. С. Синицын описанные керамические комплексы также относит к предскифскому, киммерийскому времени. Такой же точки зрения придерживается Е. Ф. Яровая, опубликовавшая керамику из Черевичного. Более поздним периодом, VII—VI вв. до н. э., датирует лепную керамику с о. Березани Г. О. Дзис-Райко¹¹. Последние (1960 г.) раскопки на о. Березани дают, однако, возможность отнести ее и к более раннему времени¹².

Вероятно, к этому же типу керамики следует отнести и целую серию фрагментов грубых лепных сосудов с более западных территорий, с Правобережья Днестра, хранящихся в фондах Белгород-Днестровского музея. По форме, орнаментации и технике изготовления они мало отличаются от комплексов, которые характеризуют поздний этап срубной культуры в правобережном Поднестровье.

Не менее важные данные для характеристики процесса проникновения срубной культуры далее на запад, в Прутско-Днестровское междуречье, дают погребальные памятники. До настоящего времени обследован район долины рек Когильника и Сарата, охватывающий юг Прутско-Днестровского междуречья до так называемого Нижнего Траянова вала. Среди них следует прежде всего назвать погребение в кургане, расположенном в долине р. Когильник между селами Градишта и Валя-Пержей¹³. Форма сосудов, положение погребенного и сама стратиграфия кургана, содержащего в грунте захоронения древнеянского типа, дают возможность Т. Г. Оболдуевой считать это погребение типичным срубным. Незначительное количество сосудов в этом погребении и единичность самого погребения очень затрудняют определение периода развития срубной культуры, к которому его следует отнести. Однако, если исходить из тех данных, которые имеются в нашем распоряжении, можно полагать, что это поздний период срубного времени, когда получили распространение простые баночные сосуды с незначительно отогнутым краем. Сам обряд захоронения характерен для поздней стадии развития срубной культуры (юго-восточная, а не северная, как это характерно для более раннего периода срубной культуры, ориентировка покойного; сильно согнутые, подогнутые к голове руки; отсутствие сруба и красной краски).

К той же группе памятников следует отнести ряд впускных захоронений в кургане у с. Сараты (№ 2, 3, 5, 8, 10, 11)¹⁴. Покойники лежат скорченно на левом (пять) или правом (один) боку. Четкой ориентировки нет. По ряду признаков эти захоронения следует отнести к позднему периоду срубной культуры. Если не принимать во внимание форму и высоту кургана, который был возведен в более раннее время над

⁹ О. А. Кривцова - Гракова, Степное Поволжье..., стр. 124—130, рис. 28 и 29. Г. О. Дзис-Райко, издавшая грубую керамику с о. Березани, также считает, что аналогии ей надо искать среди памятников позднесрубной культуры (Указ. раб., стр. 41 и 43).

¹⁰ О. А. Кривцова - Гракова, Степное Поволжье..., стр. 130.

¹¹ Г. О. Дзис-Райко, Указ. раб., стр. 41 и 43.

¹² Как любезно нам сообщила Е. Ф. Яровая, проводившая эти раскопки, начало бытования грубой керамики с о. Березани можно отнести к VII в. до н. э.

¹³ Т. Г. Оболдуева, Курган эпохи бронзы на р. Когильник, «Изв. Молдавского филиала АН СССР», № 5 (55), 1955, стр. 31—48, особенно стр. 34 и 46 (погребение № 1), рис. 6, 4 и 7, 3.

¹⁴ Ф. И. Кнауэр, Вторая археологическая раскопка около села Сараты, «Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца», кн. IV, Киев, 1890, стр. 30—34.

основным захоронением в грунте, все они укладываются в схему, характеризующую срубные захоронения последнего периода¹⁵.

Указанные археологические материалы могут служить свидетельством проникновения племен срубной культуры в Поднестровье и далее на запад к Пруту. Пройдя через великие водные рубежи на Волге, Дону и Днепре, носители срубной культуры не остановились на Буге, Днестре и Пруте. И если нет достаточных оснований, чтобы говорить о проникновении за эти водные пределы срубной культуры во всем комплексе ее проявлений, то отдельные элементы ее мы можем отметить и на территории Балканского полуострова.

Проникновение этих элементов нельзя рассматривать, как процесс, не имеющий исторических корней. В эпохи весьма отдаленные от тех, о которых идет здесь речь, в период когда в степях Южной России обитали племена катакомбной культуры, в карпато-балканских областях появляются так называемые «захоронения с охрой», в которых с полным основанием усматривают влияние катакомбной культуры. Памятники эти были распространены весьма широко (в настоящее время в Румынской Народной Республике их известно 234); они сочетали в себе традиционные черты предшествующих периодов местной бронзы с погребальной обрядностью племен катакомбной культуры¹⁶. Хронология «погребений с охрой» еще не разработана. Однако, бесспорно, они не единовременны, и среди них можно отметить более ранние и более поздние, непосредственно примыкающие к эпохе срубной культуры.

В этой связи мы хотели бы обратить внимание на материалы, добытые при раскопках в Болгарии, в Мадаре¹⁷, где по обе стороны шоссе, идущего из Коларовграда в Каспичан, имеется шесть курганов, четыре из которых были раскопаны. В каждом из них, помимо впускных средневековых захоронений, оказалось несколько погребений в скорченном состоянии на левом или правом боку; ориентировка погребенных разнообразная; некоторые из скелетов сохранили следы красной краски. Одно из погребений было центральным, другие, несколько более поздние, сделаны в насыпи кургана. В двух погребениях были обнаружены лепные сосуды. Первый тип керамики представлен баночным сосудом с прямым горлом; он орнаментирован налепным валиком с вдавлениями, расположенным по краю сосуда. Второй, наиболее распространенный вариант — баночные сосуды с отогнутой шейкой и слегка округлым туловом. Один из сосудов орнаментирован пояском из небольших вдавлений, идущим в верхней части тулова. Автор публикации В. Миков ничего не сообщает о поверхности сосудов, но, судя по рисункам, она была грубой, шероховатой. Помимо керамики в погребениях обнаружены украшения (браслет и серьги из серебряной проволоки). Исходя из форм керамики можно попытаться датировать погребения в Мадаре. О. А. Гракова отмечает, что на второй стадии развития керамики срубной культуры все более усиливается тенденция к отгибу шейки сосудов, тогда как в предшествующее время они имели баночную прямогорлую форму. Возможно, мадарские погребения относятся ко времени начала этого процесса: баночный сосуд сосуществует с сосудами, имеющими слегка отогнутую шейку. Обряд погребения весьма сходен с саратским и также в общих чертах свидетельствует о сравнительно позднем (в отношении развития срубной культуры) времени захоронения. Автор публикации этих раскопок, основыв-

¹⁵ Н. Я. Мерперт, Из древнейшей истории Среднего Поволжья, МИА, № 61, 1958, стр. 145—151.

¹⁶ В. лад. Зирра, Культура погребений с охрой в Закарпатских областях РНР, «Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и РНР», Кишинев, 1958.

¹⁷ В. Миков, Последние могилы находки, «Мадара. Разкопки и проучвания», кн. I, София, 1934. На эту публикацию обратил мое внимание Н. Я. Мерперт, за что приношу ему благодарность.

ваясь главным образом на формах серебряных изделий, датирует эти погребения VIII—VII вв. до н. э.

В этой же связи мы хотели обратить внимание еще на одну черту в материальной культуре балкано-дунайских областей рубежа эпох бронзы и железа. В это время здесь в ряде селищ и в могильниках появляется грубая лепная керамика баночных форм с наклепными валиками под краем сосуда, ниже него на несколько (3—4) сантиметров, или же на тулове. На севере, в карпато-дунайских областях, такая керамика встречается в сравнительно небольших количествах среди керамических комплексов позднебронзовой и первой железной эпох, в которых преобладают (говоря в самых общих чертах) формы культуры Ноа и фракийского галыштата¹⁸, а в балкано-дунайских областях — среди характерной самобытной керамики этого времени¹⁹, в которой сильно ощущается влияние эгейских форм. Насколько можно об этом судить по публикациям²⁰, эта лепная керамика баночной формы весьма сходна с той, которую мы описывали, характеризуя продвижение срубной культуры в западном направлении, за Днестр, Прут и, наконец, Дунай. Это последнее наше предположение нельзя выдвигать безоговорочно. Если на Балканском полуострове мы не знаем в предшествующие эпохи подобного вида керамики, то появление ее в карпато-дунайских областях можно объяснить и иначе, усмотрев определенную преемственность от более ранних периодов, а именно — от эпохи ранней бронзы Трансильвании (культура Витенберг), где найдены фрагменты с весьма сходной керамикой²¹.

Однако это возражение в некоторой степени опровергается сравнительно новыми исследованиями, подчеркивающими влияние культуры бронзы Южной и Средней Молдовы (культура Монтеору) на культуру Ноа в Трансильвании²², т. е. исследованиями, обращающими внимание как раз на обратные влияния и взаимосвязи между бронзой и ранним железом, идущие не с запада на восток, а с востока на запад Румынии²³.

* * *

Историческому осмыслению приведенных выше археологических материалов могут помочь данные античных авторов и ассирийско-вавилонских клинописных документов, связанные с именем киммерийцев — наиболее древним из упоминаемых в письменных источниках народом Восточной

¹⁸ См. V. Parvan, *Getica*, București, 1926, стр. 762 и сл. и многочисленные публикации в румынских археологических изданиях.

¹⁹ Димитр Цончев, *Сивата тракийска керамика в България*, «Годишник на Народна археологический музей» (ГНАМП), Пловдив, III, 1959, стр. 93—133; В. Миков, *Предисторически селища и находки в България*, ИБАИ, VII, 1933, стр. 113 сл.

²⁰ R. et E. Vulpe, *Les fouilles de Poiana*, «Dacia», III—IV, 1927—1932, рис.: 52, 1, 3, 7, 9, 10; 44, 1, 2; 45, 6; 46, 8; 47, 3; 48, 8; 49, 1—8; 54, 1—II; Cimitirul hallstatin della Stoicani, «Materiale arheologică privind istoria veche» (MAIV), I, 1955, стр. 157 сл., табл. IX, 10, d; 6, g; IX, 14, e; Cetății della Stoicani, MAIV, I, 1953, стр. 132 сл., рис. 61, 14; 63, 1; Dorin O. Popescu, *Fouilles de Lechinta-de-Mures*, «Dacia», II, 1925, стр. 313—314, табл. 1, 3; R. Vulpe, *Săpăturile de salvare de la Sincăieni* (1954) «Studii și cercetări de istorie veche» (SCIV), VI, 3—4, 1955, стр. 559—568, рис. 5, 2; Г. Георгиев и Н. Ангелов, *Разкопки на селищната могила до Русе през 1948—1949 г.*, ИБАИ, XVII, 1952, рис. 112, 6; и х же, *Разкопки на селищната могила до Русе през 1950—1953 г.*, ИБАИ, XXI, 1957, рис. 5, 6.

²¹ Z. Székely, *Cercetări arheologice la Sf. Gheorghe, Gémvára — Avasalja (Cetatea Sacorului)*, MAIV, V, 1959, стр. 717—721, рис. VI, 5, 6; VII, 4 (область верхнего Ольта); K. Horedt, *Așezarea de la Sf. Gheorghe — Bedehâza*, MAIV, II, 1956, стр. 7—32; Dorin Popescu, *Cercetări arheologice în Transilvania, I: Sondajele de la Socolor*, MAIV, II, 1956, стр. 43—88, рис. 14, 4.

²² M. Petrescu-Dâmbovită, *Contribuții la problema sfârșitului epocii bronzului și începutului epocii fierului în Moldova*, SCIV, IV, 1953, № 3—4, стр. 482.

²³ Adrian C. Florescu, *Santierul arheologic Trușești*, MAIV, III, 1957.

Европы, Первую, весьма удачную попытку связать с ними определенную материальную культуру предпринял, как известно, В. А. Городцов²⁴, отнесший к киммерийцам клады бронзовых предметов и отдельные вещи переходной от бронзы к железу эпохи в Северном Причерноморье, когда, по данным Геродота, здесь жили киммерийцы. Еще более существенен вопрос о всем комплексе материальной культуры киммерийцев. В настоящее время многие советские ученые²⁵ считают, что киммерийцы оставили памятники срубной культуры конца II — начала I тысячелетий до н. э., которые были распространены в Северном Причерноморье, непосредственно предшествовали скифской культуре и исчезли вместе с ее распространением в конце VIII — начале VII в. до н. э.; древние киммерийские традиции сохранялись и в скифское время, что объясняется ассимиляцией скифами той части киммерийцев, которая оставалась и после появления скифов на территории Северного Причерноморья²⁶, и усвоением ими существенных элементов киммерийской культуры. При этом исследователи исходят, во-первых, из данных античных авторов и, прежде всего, сведений, сообщаемых Геродотом, о том, что «страна, занимаемая теперь скифами, первоначально принадлежала, говорят, киммерийцам» (IV, 11).

Данные клинописных ассиро-вавилонских оракулов, летописей и официальной переписки также указывают на появление киммерийцев с севера²⁷. Исследователи обращают внимание и на то обстоятельство, что исчезновение памятников срубной культуры относится к концу VIII в. до н. э.²⁸, когда, по сообщениям письменных источников, и происходила борьба между скифами и киммерийцами.

Важные сведения о связях киммерийцев со срубной культурой дают памятники эпохи бронзы, обнаруженные в недавнее время на территории восточного Крыма. Пребывание киммерийцев на Боспоре засвидетельствовано многочисленными данными топонимики, о которых сообщает нам классическая литература. Начиная со времени Гомера²⁹ и позже, у Геродота, Страбона, Птолемея, в анонимном перипле Понта Евксинского, у Гекатея и других античных писателей мы встречаем многочисленные упоминания о Боспоре Киммерийском, киммерийском броде, киммерийском селении, городе Киммерике, киммерийских укреплениях, киммерийской переправе и других местах, локализуемых на северном берегу Черного моря и особенно — на Керченском полуострове³⁰.

Поэтому археологические памятники именно этой территории, относящиеся к предскифскому времени, особенно важны при определении

²⁴ В. А. Городцов, К вопросу о киммерийской культуре, Труды секции археологии РАНИОН, II, М., 1928, стр. 54.

²⁵ О. А. Кривцова-Гракова, Степное Поволжье..., стр. 157—161; Б. Н. Граков, Каменское городище на Днепре, МИА, № 36, 1954; И. В. Яценко, Скифия VII—V вв. до н. э., М., 1959; «Нариси стародавньої історії Української РСР», Київ, 1957, стр. 114.

²⁶ Б. Н. Граков, Указ. раб., стр. 11; И. В. Яценко, Указ. раб., стр. 97.

²⁷ Сводка этих документов делалась неоднократно. Наиболее полную см. в приложениях к журн. «Вестник древней истории» (ВДИ) за 1951 г., № 2 и 3.

²⁸ «Нариси стародавньої історії Української РСР», стр. 113; Б. Н. Граков и А. И. Тереножкин, Субботовское городище, «Сов. археология», 1958, № 2, стр. 172; И. В. Яценко, Указ. раб., стр. 21.

²⁹ «Одиссея», XI, 12—19. Гомер помещает киммерийцев на севере, у царства мертвых. По вопросу о том, где, по Гомеру, следует локализовать киммерийцев, существуют разные мнения. Большинство авторитетных исследователей (С. А. Жебелев, Народы Северного Причерноморья в античную эпоху, ВДИ, 1938, № 1, стр. 148 и 149, прим. 2 и 3; Б. Н. Граков, Каменское городище, стр. 11, и др.) придерживаются северочерноморского пребывания киммерийцев по «Одиссее».

³⁰ Подбор источников, называющих все эти киммерийские места, делался неоднократно. Из последних работ укажем на книгу L. Zgusta «Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste», Praha, 1955, стр. 15—16.

характера материальной культуры киммерийцев и могут служить с большим основанием эталоном для определения того, что следует считать киммерийским. До недавнего времени они были неизвестны. Только с 1948 г., после раскопок А. Я. Брюсова, И. Б. Зеест и И. Т. Кругликовой в восточном Крыму³¹, мы получили некоторое представление об этой культуре. Говоря о ней в самых общих чертах, следует отметить, что это — та же срубная культура в ее позднем варианте со всеми характерными чертами в орнаментике и в формах керамики. Ее особенности здесь заключаются в сочетании, с одной стороны, этой позднесрубной, с другой — катакомбной керамики, что следует объяснить поздним появлением срубной культуры на территории восточного Крыма и устойчивостью форм катакомбной керамики, исчезающих обычно (в степных районах Дона, Приазовья и Нижнего Днепра) вместе с появлением срубной.

Как бы то ни было, и этот материал свидетельствует о появлении племен срубной культуры в восточном Крыму, где устоявшаяся античная традиция локализирует древних киммерийцев. Это дает основания видеть в киммерийских племенах носителей позднесрубной культуры Северного Причерноморья.

Хотелось бы остановиться еще на одном обстоятельстве, которое также, как нам кажется, позволяет связать позднесрубную культуру с киммерийскими племенами. Походы киммерийских племен в Переднюю Азию и, в частности на Малоазийский полуостров — бесспорный исторический факт, о котором имеется достаточно ионийских историко-географических свидетельств, легших в основу геродотовых сообщений о походах киммерийцев, а также данных Страбона, у которого изложена иная, чем у Геродота, но восходящая к очень древнему времени традиция³². Эти свидетельства поразительно совпадают с теми, которые мы можем почерпнуть из ассиро-вавилонских клинописных источников, причем совпадения касаются не только изложения хода событий, но и имен киммерийских предводителей³³, что подтверждает достоверность и того и другого вида источников. Оставляя в стороне ту часть данных, которая касается походов киммерийцев в Переднюю Азию, остановимся на свидетельствах пребывания киммерийцев в Малой Азии. Большинство из них мы находим у Страбона, который трижды (III, 2,12; XI, 2,4; I, 1,10) сообщает о набегах киммерийцев на Эолиду и Ионию. Эти сообщения подтверждаются и сведениями Стефана Византийского (s. v. Ἀντανδρος) и Плиния (N. h., V, 23) о городе Антандре под горой Идой, который именовался также Киммеридой; при этом Стефан Византийский, ссылаясь на Аристотеля, прямо обосновывает такое название города тем, что его в течение ста лет населяли киммерийцы.

В этой же связи очень интересно упоминание в эпиграмме к Гомеру неизвестного поэта о том, что киммерийцы знали Трою: «Какая земля, какое море не знает борьбы ахейцев? Имя Трои слышал киммерийский народ, лишенный всевидящего луча солнца».

У Страбона мы находим указание на время, к которому следует отнести это появление киммерийцев в Ионии: «...Ведь именно во время Гомера или немного раньше его, как говорят, произошло вторжение киммерийцев в Азию до Эолиды и Ионии» (III, 2,12). В другом месте у Страбона есть и ссылка на источник: «...А что он (Гомер. — Т. 3.)

³¹ О. А. Кривцова-Гракова, Степное Поволжье..., стр. 106; И. Т. Кругликова, Памятники эпохи бронзы из Киммерика, «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры» (КСИИМК), вып. 43, 1952; ее же. Поселения эпохи бронзы в восточном Крыму, «Сов. археология», XXIV, 1955.

³² Б. Н. Граков, Каменское городище, стр. 11.

³³ Л. А. Ельницкий, Киммерийцы и киммерийская культура, ВДИ, 1949, № 3, стр. 16.

знал их (киммерийцев. — Т. 3.) это доказывают хронографы, относящие вторжение киммерийцев ко времени незадолго до него или к его времени» (I, 2, 9; см. также I, 1, 10), т. е., если исходить из общепринятого времени жизни Гомера, — к IX—VIII вв. до н. э.

Все эти данные письменных античных источников нам представляется возможным поставить в связь с археологическим материалом, добытым при сравнительно недавних раскопках в Трое³⁴. Авторы публикации — К. Блэген и др. — отмечают, что постепенное развитие материальной культуры Трои, столь четко прослеживаемое в нижних слоях Трои, прерывается в слое VII, причем не в VII A, с которым обычно связывают падение Трои под ударами ахейцев в эпоху Троянской войны и пожар, а в VII B₂, который датируется IX в. до н. э. Керамика этого подслоя носит очень своеобразный характер: это — грубая лепная посуда, украшенная налепными валиками со вдавлениями, идущими под венчиком сосуда или же несколько ниже него («Knobbed Ware», «Buckelkeramik»)³⁵; в отдельных случаях валики спускаются вниз, образуя два или несколько «усов». Форма сосудов — баночная, с прямым горлом, чуть округлым туловом, слегка сужающимся книзу, и с плоским дном. Глиняная статуэтка из этого же слоя вполне соответствует грубой, «варварской», керамике. Отмечая эту особенность керамического комплекса слоя VII B₂, авторы публикации считают, что ее следует объяснить вторжением племен извне, длившимся в течение жизни двух-трех поколений³⁶ (толщина слоя VII B₂ = 1,30 м).

Указание античных авторов на пребывание киммерийцев в Малой Азии и особенно в Пропонтиде; свидетельство о том, что киммерийцы знали Трою; совпадение времени киммерийского похода в Малую Азию (IX—VIII вв. до н. э.), о котором мы судим на основании данных Страбона, с археологической датировкой троянского слоя VII B₂; наличие в нем керамики, существенно отличной от традиционной троянской посуды, находимой в слоях VI, VII и VII B₁ и весьма сходной с той срубной керамикой, появление которой в Северном Причерноморье мы прослеживали в начале I тысячелетия до н. э., всё это дает основание полагать, что пришельцами в Трою в IX в. до н. э. были киммерийские племена³⁷.

Оставляя в стороне вопрос о всей территории, занимаемой киммерийскими племенами, мы обратимся к тем сведениям, которые связывают пребывание киммерийцев с областями Северо-Западного Причерноморья и с более западными балкано-дунайскими территориями, занятыми впоследствии фракийцами. Античная литература с удивительным постоянством указывает на присутствие киммерийцев на приднестровских территориях и на Балканском полуострове. Среди этих сообщений на первое место следует поставить сведения Геродота о захоронении киммерийских царей, перебивших друг друга, чтобы не оказаться в подчинении у скифов, вблизи реки Тирас (IV, II).

Небезынтересно также сообщение Геродота, что могила киммерийских царей была видна еще в его время: он мог или сам видеть ее, или же слышать о ней от своих современников. Низовья Тираса еще задолго до времени Геродота были освоены греками, как о том можно судить по данным раскопок древней Тиры (современный Белгород-Днестровский), где в нижних слоях были найдены фрагменты ионийской кера-

³⁴ C. W. Blegen, C. G. Bönlter, Troy, Princeton, 1958.

³⁵ Там же, т. IV, рис. 284, 1, 3, 12, 21, 23; рис. 267 13, 32.

³⁶ Там же, стр. 143.

³⁷ На связь Трои с киммерийцами указывал еще М. И. Ростовцев в книге «Эллинизм и иранство на юге России» (Пг., 1918, стр. 28); о возможном их присутствии там говорили В. Пырван (Getica, стр. 406) и А. Талльгрэн («La Pontide préscythique après l'introduction des métaux», «Eurasia Septentrionalis antiqua», Helsinki, 1926, стр. 219).

мки, датируемой VII в. до н. э.³⁸. Весь контекст этого рассказа о последних днях киммерийских царей указывает на то, что Поднестровье прочно входило в круг киммерийских областей: цари скорее предпочитают умереть на родной днестровской земле, чем удалиться на чужбину; киммерийцы, похоронив царей у Тираса, удаляются «из своей земли». Эти сообщения Геродота могут быть связаны с теми археологическими материалами из Нижнего Поднестровья (керамика срубной культуры и захоронения в курганах), которые мы приводили ранее³⁹.

Связи киммерийцев с Балканским полуостровом можно усмотреть как из этого отрывка, так и из ряда других свидетельств.

Проникновение киммерийцев в Малую и Переднюю Азию, как о том можно судить на основании письменных сообщений, шло двумя основными путями: во-первых, восточнее Черного моря через Кавказ и, во-вторых, через Балканский полуостров. Если продвижение их по первому пути, о котором ясно сообщает Геродот (IV, 12), нашло освещение в исторической литературе⁴⁰, то данные о втором пути киммерийцев в Малую Азию изучены еще мало.

Об этом втором, «западном» пути имеется свидетельство у Страбона, который сообщает: «...Киммерийцы, которых писатели называют также трерами, или какой-нибудь из народцев этого племени, часто делали набеги на правую сторону Понта и на местности, смежные с ним, врываясь иногда к пафлагонцам или фригийцам...» (I, 3, 21). Страбон сообщает нам также о киммерийцах, что «это народ, который делал набеги на живущих внутри страны по правую сторону до Ионии» (XI, 2,5).

Это сообщение может быть понято только при условии, что киммерийцы двигались в Малую Азию из Фракии, через проливы. Такому пониманию этого текста Страбона соответствует и то, что мы знаем о трерах, с которыми, как сообщают источники, связаны малоазийские походы киммерийцев. Принадлежность треров к фракийцам не вызывает сомнения. Арриан в своей «Вифинийской истории» упоминает треров, ведущих свое происхождение от Трера, сына великана Обриарея и Фракии, а поэт Арктин рассказывает о союзнице троянцев — фракиянке амазонке Пентеселии, которая была дочерью Ареса и Отреры. Страбон прямо указывает на то, что треры являются фракийским племенем (XIII, 1,8). Фукидид (II, 96) и Плиний (N. h., IV, 17) сообщают о месте пребывания треров во Фракии; при этом первый локализует их на западе владений одрисского царя Ситалка, рядом с трибаллами, а второй — по северной границе Македонии.

Связи киммерийцев с фракийцами-трерами нельзя считать ни случайными, ни кратковременными. В сообщениях античных авторов о походах киммерийцев в Малую Азию можно различить две традиции, на первую из которых опирается Страбон, а на вторую — Геродот. Во-пер-

³⁸ V. Pârvan, *Pénétration hellénique et hellénistique dans la vallée du Danube*, «Bulletin de l'Académie Roumaine, la section historique», X, Bucarest, 1923, стр. 1. прим. 5; Э. Р. Штерн, Раскопки в Аккермане летом 1912 г., «Записки Одесского общества истории и древностей» (ЗООИД), т. XXXI, 1913, стр. 100. Ионийскую керамику из раскопок 1960 г. демонстрировала А. И. Фурманская на заседании секции античной археологии отчетного пленума Института археологии АН СССР в апреле 1961 г.

³⁹ Вероятно, сообщение Геродота о том, что могила киммерийских царей была видна еще и в его время, следует понимать в том смысле, что она возвышалась над поверхностью земли. Это может служить косвенным подтверждением того, что захоронения в курганах в низовьях Днестра, о которых шла речь выше, могут быть отнесены к киммерийским.

⁴⁰ Е. И. Крупнов, О походах скифов через Кавказ, «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954, стр. 186—194; его же, Киммерийцы на Северном Кавказе, МИА, № 68, 1958, стр. 176—196; его же, Древняя история Северного Кавказа, М., 1960, стр. 56—63, 110—116.

вых, следует отметить, что события, о которых они повествуют, не совпадают. Сведения Геродота связаны с нападением скифов на киммерийцев и передвижением в связи с этим киммерийцев на Синопский полуостров, а затем в Лидию, с захватом столицы этого государства — Сард при царе Ардии — сыне Гигеса и последовавшим затем изгнанием киммерийцев при внуке Ардии — лидийском царе Алиатте. Все это подтверждается ассирийскими источниками⁴¹ и происходило в VII в. до н. э. Геродот ни разу не ставит этот поход киммерийцев в связь с походами треров, не упоминает имен ни трерских, ни киммерийских царей, но подчеркивает, что киммерийцы пришли в Азию по восточному побережью Черного моря. Очевидно также, что Геродот имеет в виду этот один вполне конкретный поход.

Страбон же сообщает о походах киммерийцев совместно с трерами, совершаемых неоднократно и, как уже отмечалось, по совсем иному, западному пути; сообщает Страбон и имя вождя треров — Коба, которое неизвестно Геродоту. Эти нашествия совершались ранее тех, о которых пишет Геродот, и приурочиваются ко времени Гомера или более раннему времени. Возможно, начало походов киммерийцев в Малую Азию следует отнести еще к XI в. до н. э., как о том можно судить на основании данных Евсевия, который сообщает о первом нашествии киммерийцев на Азию за триста лет до первой олимпиады (т. е. 1076 г. до н. э.)⁴². Во всяком случае информация Страбона основана на иной, чем у Геродота, и, вероятно, очень древней традиции⁴³. У нас есть, однако, основания полагать, что связи киммерийцев с фракийцами-трерами не прекратились после этих древних (XI или X век до н. э.) походов.

Описанный Геродотом эпизод, рисующий смерть киммерийских царей у р. Тираса и последовавший за этим уход киммерийского народа из своей земли под натиском скифов, т. е. не ранее конца VIII в. до н. э., заставляет опять-таки предположить движение киммерийцев в Малую Азию через Балканский полуостров.

Таким образом, античные авторы рисуют картину долговременной связи киммерийцев с племенами Балканского полуострова. Нам представляется, что такое постоянство в совместных военных мероприятиях фракийцев и киммерийцев следует объяснять не только общностью интересов, но и более глубокими причинами, а именно — родственными связями, возникшими в результате долгого пребывания киммерийцев на фракийских территориях, и фактическим слиянием западной части киммерийских племен с фракийскими, в частности с трерами. Эти события нашли отражение в античной традиции, зафиксированной позже у Страбона, сообщающего нам, что киммерийцев называют также трерами. Этот же процесс, как мы пытались показать, нашел отражение и в материальной культуре фракийских племен.

Вопрос об этнической принадлежности киммерийцев чрезвычайно сложен. Ученые неоднократно производили лингвистический разбор имен киммерийских царей: Šandakšatru, Tugdammê, Teušpa, упомянутых в ассирийских документах и у греческих авторов, в результате которых они пришли к выводу об иранском происхождении этих имен⁴⁴. Однако то обстоятельство, что некоторые из киммерийских предводителей, возможно, носили иранские имена, не дает достаточных оснований для

⁴¹ M. Streck, Assurbanipal, Lpz., 1916, стр. CCCLXXI.

⁴² См. Ф. К. Брун, Комментарий к работе Раулинсона «О киммериянах Геродота и о переселении кимрского племени», ЗООИД, VII, 1868, стр. 243—245; В. А. Городцов, К вопросу о киммерийской культуре, стр. 46—47.

⁴³ Б. Н. Граков, Каменское городище, стр. 11.

⁴⁴ M. Streck. Указ. раб., стр. CCCLXXI—CCCLXXVI; Max Vasmèr, Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven, I — Die Iranier in Südrussland, Lpz., 1923, стр. 6 сл.; L. Zgusta, Указ. раб., стр. 16—17. Каждый из исследователей сообщает и библиографические данные по этому вопросу.

установления этнической принадлежности киммерийцев; мы знаем достаточно примеров того, что «династические» имена мало значат для определения этнической принадлежности народа⁴⁵. С другой стороны, нельзя упускать из вида и то, что в античную эпоху в Северном Причерноморье мы встречаем множество таких фракийских имен, которые трудно объяснить только связями между фракийским царством одриссов и Боспорским царством⁴⁶. М. И. Ростовцев объяснял это явление происхождением местного боспорского населения от киммерийско-фракийских предков. Ему возражали, указывая на погрешности в толковании им взаимоотношений между Фракией и Боспором в V в. до н. э.⁴⁷ Тем не менее, надписи из Северного Причерноморья, содержащие фракийские имена, не дают оснований видеть в их носителях лишь наемников из числа фракийцев или лиц, подражающих в выборе имен боспорским властителям, связанным с фракийской династией.

И. Л. Руссу — автор недавно вышедшей в свет очень обстоятельной статьи «Фрако-гетские элементы в Скифии и Боспоре Киммерийском» приходит к выводу об обоснованности теории Ростовцева о древности фракийских элементов на Боспоре⁴⁸. К этому хотелось бы добавить, что ряд фракийских наименований рек и областей в Северном Причерноморье⁴⁹ также никак нельзя объяснить только культурными влияниями и связями.

Сходство в боспорских и фракийских именах, возможно, объясняется сохранением вплоть до классического времени тех элементов, которые сложились в глубокой древности, в период распространения как в Северном Причерноморье, так и во фракийских областях, киммерийских племен.

Надо сказать, что иранские имена киммерийских царей не противостоят такому решению вопроса. Как показали некоторые лингвистические исследования⁵⁰, фонетическая структура фракийского языка и некоторые другие явления в нем свидетельствуют об исключительной близости его с иранскими, о «диалектном родстве фракийского и иранского в пределах, главным образом, группы satəm индоевропейских языков»⁵¹.

Приведенные выше свидетельства античной литературы о связях киммерийцев с фракийскими областями, топонимические и ономастические данные согласуются, таким образом, с теми археологическими материалами, на которые мы указывали в начале статьи. Киммерийцы представляются нам одним из компонентов фракийского этногенеза, оставившего определенный след как в материальной культуре фракийцев, так и в их языке, в частности — топонимике и ономастике.

Теперь уже следует считать доказанным, что срубная культура сложилась на Волге, где прослеживается постепенное автохтонное ее развитие. Об этом в достаточной степени свидетельствуют материалы раскопок начала нашего века и особенно 20-х годов (В. А. Городцов, П. Д. Рау, А. И. Тереножкин, В. В. Гольстен), дополненные в настоя-

⁴⁵ L. Zgusta, Указ. раб., стр. 18; M. Vasmer, Указ. раб.; «Reallexikon der Vorgeschichte», XII, стр. 236.

⁴⁶ По последним данным (I. L. Russu, Elemente traco-getice în Scitia și Bosporul Cimmerian, SCIV, II, 1958, стр. 318—331) их насчитывают свыше ста имен, из которых почти каждое повторяется в надписях, принадлежащих различным лицам, по несколько раз.

⁴⁷ L. Zgusta, Указ. раб., стр. 42.

⁴⁸ I. L. Russu, Указ. раб., стр. 303—333.

⁴⁹ «Reallexikon der Vorgeschichte», XIII, стр. 281.

⁵⁰ Д. Дечев, Характеристика на тракийския език, София, 1952, стр. 136.

⁵¹ Б. И. Надель, Рец. на книгу Д. Дечева, «Вопросы языкознания», 1955, № 2, стр. 138—143. Иной точки зрения придерживается В. И. Абаев (ВДИ, 1954, № 2, стр. 86—90).

щее время новыми данными из раскопок О. А. Граковой, И. В. Синицына, К. Ф. Смирнова, Н. Я. Мерперта⁵².

Не вызывает сомнений и то обстоятельство, что эта культура распространилась по степной полосе на Украину вплоть до Днестра. Ее проникновение дальше на запад было значительно слабее, что, возможно, объяснялось отдаленностью от центров распространения срубной культуры, тем, что Балканский полуостров был крайней западной периферией распространения срубной культуры, вернее, отдельных элементов ее. Мы полагаем, что это была лишь незначительная струя, которая тем не менее проследживается в культурном облике более поздней Фракии. Античные писатели и историки четко улавливали ее, что и нашло отражение в античной традиции, прочно связывающей киммерийцев с фракийскими трерами. Здесь срубная культура в целом не изменила общего облика культур поздней бронзы и раннего железа, а придала им лишь отдельные своеобразные черты⁵³. С неменьшей определенностью теперь можно говорить о проникновении носителей срубной культуры в область распространения андроновской культуры и далее на восток. Материалы, добытые в результате работ Хорезмской экспедиции, позволяют считать, что распространившаяся во второй половине II тысячелетия до н. э. в степной полосе Узбекистана и Туркмении тазабагыбская культура «сходна с культурами андроновского типа западного Казахстана и Приуралья и со срубно-хвалынской культурой степей Нижнего и Среднего Поволжья»⁵⁴. Это сходство проявляется как в формах и орнаментах керамики, так и в изделиях из бронзы, а также и в погребальном обряде. Антропологический материал из могильника Кокча 3, свидетельствующий о наличии среди населения южной дельты Акча-Дары европеоидов срубно-андроновского типа⁵⁵, ярко подтверждает археологические выводы.

С. П. Толстов неоднократно высказывал мнение об этнической близости племен древнего Хорезма с фракийским племенным миром⁵⁶. Эта близость усматривается как в области древней этнонимии и античной исторической традиции, свидетельствующих о вхождении хорезмийцев в комплекс массагетских племен, связанных с фракийскими племенами, так и в области материальной и духовной культуры. В этой связи он указывал на прямые параллели между тамгами — родовыми знаками хорезмийских династов — и знаками династов Северного Причерноморья, а также на сходство одежды, отображенной на хорезмийских терракотовых статуэтках кангюйского времени, с одеждой малоазийских фракийских племен, изображенной на ахеменидских рельефах. Культовые представления хорезмийцев связаны с теми, которые имели место в верованиях древних фракийцев: бог-всадник — одно из центральных божеств фракийского пантеона — характерен также и для хорезмийских верований

⁵² Подробную сводку всего этого материала см.: О. А. Кривцова-Гракова, *Степное Поволжье...*, раздел I — Происхождение срубной культуры, стр. 9—26; Н. Я. Мерперт, *Из древнейшей истории Среднего Поволжья*, стр. 45—52.

⁵³ Об аналогичных явлениях в областях соприкосновения срубной культуры с андроновской на востоке, с культурой Прикамья — на севере, с абашевской культурой — на Среднем Поволжье см.: О. А. Кривцова-Гракова, *Степное Поволжье...*, стр. 1; Н. Я. Мерперт, *Указ. раб.*, стр. 136.

⁵⁴ «Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой», «Материалы Хорезмской экспедиции» (МХЭ), вып. 3, М., 1960, стр. 119; М. А. Итина, *Раскопки могильника тазабагыбской культуры Кокча 3*, МХЭ, вып. 5, М., 1961, стр. 70, сл.

⁵⁵ Т. А. Трофимова, *Черепя из могильника тазабагыбской культуры Кокча 3 (по материалам раскопок 1954—1955 гг.)*, МХЭ, вып. 5, М., 1961, стр. 139—142.

⁵⁶ С. П. Толстов, *Древний Хорезм*, КСИИМК, XIII, 1946, стр. 144, его же, *Древний Хорезм*, М., 1948, стр. 186—187, 198, 201—205; его же, *К вопросу о происхождении каракалпакского народа*, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», 1947, вып. II, стр. 74; его же, *Из предистории Руси*, «Сов. этнография», VI—VII, 1947, стр. 39—59, особенно стр. 43—49.

Большинство только что приведенных материалов относится к античной эпохе, однако истоки того исторического процесса, который проявился в столь широких этнических и культурных связях, как нам представляется, следует искать в период значительно более ранний, когда во II тысячелетии до н. э. на всем протяжении степной полосы Средней Азии и Восточной Европы господствовала культура бронзы, одним из существенных вариантов которой была срубная культура. Подобно тому как фракийские территории стали в начале I тысячелетия до н. э. крайним западом ареала распространения элементов срубной культуры, так территория Хорезма еще раньше, в конце II тысячелетия, стала крайней восточной областью их распространения. Возможно, общностью этого связанного с племенами срубной культуры древнего этнического пласта и следует объяснять сходные черты в материальной и духовной культуре обеих столь отдаленных друг от друга областей. Связи эти были настолько жизненны и прочны, что сохранились и в эпохи значительно более поздние, что нашло свое отражение в античной литературе и археологическом материале.

SUMMARY

The beginning of the 1st millennium B. C. was a turning point in the history of the tribes which populated the North Balkan lands along the Danube. This is manifested, in particular, in the absence of a direct continuity between the cultures of the Bronze Age and the Iron Age in Thracia. The formation of the Thracian tribes in this period was influenced by the peoples of the timber-graves culture. The advance of the steppe culture from the Volga westward to the Dniester and further to the southern, steppe part of the area between the Prut and the Dniester, is witnessed by the existence in Bessarabia of timber-graves burials and by individual finds. Elements of the steppe bronze cultures, and specifically of the timber-graves culture, may be traced also on the Balkan Peninsula. The historical interpretation of the above-mentioned archeological facts is facilitated by the data of the antique literary tradition and of the Assyrian chronicles, connected with the Cimmerians. The majority of Soviet researchers associate the Cimmerians with the peoples of the timber-graves culture. In this connection it is essential to point out the finds of timber-graves ceramics in Asia Minor, in the Troy VII-B₂ layer, dating from the 9th century B. C., i. e. the time of the Cimmerians' appearance in Ionia. Antique literary tradition points with remarkable consistency to the presence of the Cimmerians in the Dniester area and testifies to long-term and direct connections between the Cimmerians and the Balkan tribes. On the basis of the above association, the Cimmerians may be regarded as a component of the Thracian ethnic source, which left a slight but clearly traceable mark both in the material culture of the later-period Thracians and in their language, toponymy and onomastics.